

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Э. Г. ЗАДОРОЖНИК

ТВОРЧЕСТВО ТАРАСА ШЕВЧЕНКО ШИРЯЩИЕСЯ РЕЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализируется феномен ширящихся рецепций и интерпретаций творчества Тараса Шевченко в исторической ретроспективе и перспективе, обосновывается гипотеза пяти их кругов – всеукраинского, восточнославянского, всеславянского, общеевропейского и глобального. Первый был ориентирован на консолидацию украинской нации, в анализе второго отмечается соотношение украинской и русской культур на началах комплементарности, в рамках третьего рассматриваются моменты чехофильства и полонофобства – при дружественных отношениях Шевченко с поляками. Наиболее полно изложенный четвертый круг фиксирует ширящееся внимание к творчеству поэта в общеевропейском, а пятый – в глобальном масштабе. Рассматриваются особенности проведения 200-летнего юбилея поэта в разных странах и связанные с этим идеи о его месте в истории культуры.

Ключевые слова: история идей, 200-летний юбилей Шевченко, антропоцентризм, культурные коды, диалог народов, национальная самокритика.

200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко (9.03.1814 – 10.03.1861) – гениального поэта и художника, видного общественного деятеля и социального мыслителя – пришелся на непростые для его родины времена. Так, в начале Майдана с этим юбилеем связывалось национальное примирение и достижение социальной справедливости в сочетании с входением в Европу – и фигура Шевченко выступала как идейный движитель этих начал, а его портреты доминировали на площадях не только Киева, но и городов западной и восточной частей Украины. Но уже ко дням юбилея его фигура выламывалась из рамок (фреймов), задаваемых пришедшими к власти представителями националистически ориентированных сил – да и его портреты встречались уже не так часто. Сами юбилейные торжества носили свернутый – по сравнению с заявленным – характер, и причина здесь – не только острота политической борьбы и нехватка средств. Дело в другом: философским взглядам великого поэта был присущ, по суждению одного из наиболее компетентных интерпретаторов его наследия Д.И. Чижевского (1894–1977), «историософический антропоцентризм»: пафосом жизни Шевченко «было помещение человека в центр всего бытия, всего мира –

как природы и истории, так и всех сфер культуры...»¹. Столь яркий, последовательный, поистине безграничный антропоцентризм – главная черта всего творчества Шевченко, ведущее чувство его активности.

В то же время оказалось, что в более широких масштабах юбилей – лишь вежа в ширящихся рецепциях его богатого, не устаревающего мыслями наследия и все новых интерпретациях. Постараемся показать это с опорой на вводимую нами метафору пяти кругов таких рецепций и интерпретаций, равно как и на примеры восприятия поэта мирового значения народами Земли.

Весной 2014 года в английском Кембридже произошло знаменательное событие – одна из наиболее оживленных и протяженных улиц в его квартале Сиджук Сайт была названа именем украинского поэта: на английском (Taras Shevchenko Way) и украинском (Вулиця Тараса Шевченко) языках. Улица стала местом чтения стихов и исполнения песен на слова Шевченко в дни его юбилея, а в октябре 2014 года прошел – как бы по ее образцу – фестиваль «Дни Украины» в Лондоне, на которых фигура Шевченко занимала одно из центральных мест.

Тем самым один из наиболее знаменитых университетов мира, а вслед за ним и британская столица отдали дань великому поэту, художнику и мыслителю, труды которого, как считали участники проводимых празднеств, «привели к появлению одной из наиболее крупных стран Европы». Естественно, то, что с этой действительно крупнейшей пространственно европейской страной сегодня происходит, вовсе не сделало указанное событие некой конъюнктурной акцией. Дело в том, что интерес к жизни и судьбе Тараса Шевченко, его творчеству был в Великобритании, да и в других европейских, а затем и неевропейских странах, всегда.

Еще в 2008 г. факультет новых и средневековых языков Кембриджа учредил на кафедре славянских исследований отделение украинистики; в 2011 г. в аудиториях были вывешены копии работ Шевченко-художника, а изучение его поэтических трудов проводилось на украинском языке. Одним из главных мотивов этого научного подразделения стало удовлетворение потребности в академических исследованиях, включая необходимость понимания того, в силу каких причин «труды Тараса Шевченко устраняют барьеры между “востоком” и “западом”», как об этом говорил преподаватель указанной кафедры Р. Финнин. «С исключительно мощным чувством он [Шевченко] вы-

¹ Чижевський 2005. Т. 1. С. 124.

ступает за справедливость для всех угнетенных, извлекая важные моральные уроки из прошлого, переосмысляя отношения между человеческим и божественным в разломанном мире. Его уникальный голос в этом плане в новой европейской культуре звучит наиболее бескомпромиссно», – резюмировал он. И не случайно к празднованию юбилея Шевченко в Кембридже обращались не только филологи и литературоведы, но также представители юридического, исторического и теологического факультетов².

Стоит повторить – внимание к Шевченко в Британии далеко не конъюнктурно (хотя, конечно, политизированных версий истолкования его творчества достаточно и здесь). Еще при его жизни о творениях поэта англичане узнавали через бывших на острове революционеров А. Герцена и Н. Огарева, а затем М. Драгоманова и С. Кравчинского. Рассказывал о нем в художественных кругах и знаменитый негритянский трагик А. Олдридж. Труды о Шевченко начали появляться на страницах английской печати со второй половины 1870-х гг., и с того времени интерес к нему лишь возрастал. Англичанка Э. Войнич, автор знаменитого «Овода», знакомая со многими российскими революционерами и принимавшая участие в революционном движении на Украине, переводила уже с 1890-х гг. многие стихотворения Шевченко, подчеркивая их революционный пафос (в 1911 г. она издала сборник своих переводов, в предисловии к которому написала, что Шевченко является лириком мирового значения). И с начала XX века Шевченко из поля зрения достаточно широких литературных кругов в Англии не исчезал. Примечательна в этом плане фигура переводчика В. Рич: еще в конце 1950-х – в 20-летнем возрасте – она оставила свои занятия математикой ради переводов украинского поэта, занимаясь ими до своей кончины в самом начале нового века³.

И еще одно суждение Р. Финнина: «По моему мнению, например, Шевченко – великий мировой поэт, которого мир слишком часто игнорирует. Откуда берется такое игнорирование? Почему мир не знает больше о Тарасе Шевченко? Дело в том, что шевченковедение, как и украиноведение в более широком смысле не стало научной дисциплиной в Европе из-за того, что я называю мировой обратной галлюцинацией. Если галлюцинация – это видеть то, чего нет, то обратная галлюцинация – это не видеть то, что есть. Университеты в Европе не

² www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303

³ Тарас Шевченко і європейська культура... С. 338.

замечают Украину, ее культуру, язык и литературу»⁴. Остается добавить, что в такой части Европы, как Россия, эта «обратная галлюцинация» проявляется еще в большей мере; более того, творчество Шевченко здесь не принимается во внимание, как говорится, «в упор». Политическая конъюнктура, в силу чего поэт как основоположник «украинского национализма», извращенно трактуется политической конъюнктурой. Но немалую роль в таком невнимании играет и эстетическая глухота, и нежелание входить в поднятую поэтом экзистенциальную проблематику, и общее понижение уровня восприятия соседних культур.

Да что там Россия... Как утверждала зав. отделом шевченковедения Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, В. Смилянская, в предъюбилейный год «и в нашем обществе присутствует своеобразная “шевченкофобия” (по определению И. Дзюбы). К сожалению, в Украине находятся люди, которые стремятся дискредитировать Шевченко с помощью разнообразных выдумок, неадекватных интерпретаций и передергиваний. Такие вещи унижают достоинство не только самого поэта, но и всей украинской нации»⁵. Следы этой «фобии» не исчезли и в юбилейный год.

Указанные факты значимы для рассмотрения означенной в названии статьи проблемы: ширящиеся рецепции и интерпретации творчества Шевченко в исторической ретроспективе и перспективе. Разные аспекты этой темы поднимались в трудах других исследователей⁶, в которых отмечалось, что Шевченко мыслил достижение свободы украинским народом совместно с национальным освобождением всех других – и не только славянских – народов из-под власти империй.

В целом данная тема может рассматриваться в проекции пяти концентрических кругов, которые обнаруживаются во многих истолкованиях его творчества – чисто литературоведческих, сугубо исторических, политологических и даже социально-философских. Постоянное обращение к отражаемым в них идеям необходимо во времена острых социальных трансформаций во всех странах мира. Рассмотрим ее с учетом того, что два из этих кругов – восточнославянский и общеславянский – нашли более полное отражение в других наших публикациях⁷, хотя те-

⁴ <http://qha.com.ua/v-kembridje-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.

⁵ <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozdatut-sayt-o-tarase-shevchenko>

⁶ См.: Грабович 1998; Гриценко 1998; Забужко 2007.

⁷ Задорожнюк 2014 (а). С. 58-69.

кущие события даже не лет, а месяцев постоянно требуют возвращения к горьким прозрениям о судьбах украинства, славянства и европейства поэта, столь сильно пострадавшего за свои взгляды, равно как и к его не убиваемым любимыми страданиями надеждам.

Первый – всеукраинский – круг рецепций и интерпретаций соотносится с задачами консолидации самих украинцев. Задача уяснения сути взглядов Шевченко на это экзистенциально значимое для него дело (а поэт не боится возносить проклятия Богу, если он пренебрежет судьбой отчизны): «Я так, я так її люблю / Мою Україну убогу, / Що прокляну святого Бога, / За неї душу погублю!»⁸ (в русском переводе: «Я так, я так ее люблю / Украину, мой край убогий, Что прокляну святого бога, / И душу за нее сгублю!»⁹) не так проста, как кажется на первый взгляд, тем более что ее решению сопутствовала глубочайшая национальная самокритика, включая нелицеприятную характеристику всех слоев украинского общества. В первую очередь, критике подвергаются представители так и не определившейся в те времена элиты, однако достается и пассивным массам.

Едва ли следует с чрезмерностью эксплицировать эту самокритику на все слои современного украинского общества и особенно его элиты, забывающей и Бога, и Украину, и народ, но все же следует подчеркнуть: после Майдана фигура Шевченко не выставляется на первый план, а многие его идеи замалчиваются – более того, в самых разных слоях общества наблюдаются усиливающиеся признаки шевченкофобии.

Все же эта национальная самокритика чередуется у Шевченко с предельно искренними и находившими отклик у представителей любого социального слоя обращениями ко всем украинцам достичь национальной консолидации и последующего социального освобождения (надо сказать, что эти призывы находили широкие отклики сначала на Правобережной и Левобережной Украине, а затем в Галичине, на Волыни и Буковине, даже в Закарпатье). По утверждению Д. Чижевского, высказанному в середине 1920-х гг., «Шевченко принимается и коммунистами (которые будут стыдливо искать “социальные мотивы” в поэзии Шевченко и объявлять его крестьянским или лучше поэтом “бедноты”, а то и “пролетарским” поэтом), и изгнанниками (хотя кое-кто из них будет искать оправдания для своего эстетического *права* (здесь и далее курсив в оригинале – Э. З.) обнаруживать Шевченко в своей “народнической”, или “марксистской”, или “гет-

⁸ Шевченко 1963. Т. 2. С. 42.

⁹ Шевченко 1948. Т. 2. С. 35.

манской” идеологии) и сознательными украинцами, и даже культурными москвофилами (Хотя последних я не желаю “прилучать” к украинцам)... *Шевченко объединяет всех* – и верных, и неверных сынов нации, и правых теоретически и политически, и неправых – ибо его проклятия неверным и неправым (с точки зрения Шевченко), возможны только через то, что и они, по его мысли, принадлежат к единству национального целого»¹⁰.

С самого начала 1840-х гг. интерес к поэзии Шевченко рос в той же Галичине постоянно. Парадоксально, однако ситуация складывалась так, что удовлетворялся он как через Москву, так и Петербург – местные культурные деятели просили русских ученых пересылать им его труды. Считается, что в культурном отношении Шевченко практически спас духовную жизнь в этом регионе Украины, на что указывалось в творениях М. Драгоманова, С. Ефремова, И. Франко и др. А когда во Львове 21–22 сентября 1848 года вспыхнуло вооруженное восстание, среди его участников стихи поэта звучали постоянно. Австрийский город Львов считался польским, но голос Шевченко был слышен и в чешском Брно. Тамошняя газета 21 декабря 1848 года писала: «Величавость, глубокое знание сердца человеческого, лиричность и терпкая ирония при мудром владении природным языком соединяются в его творениях и поступках в чудесную гармонию... Патриотические произведения Шевченка известны во всей Малой Руси и Украине и весьма способствуют пробуждению ее духа»¹¹.

Современные интерпретаторы творчества Шевченко подчеркивают, что ранее он духовно соединял Правобережную и Левобережную Украину, а ныне – ее Восток и Запад в условиях значимого для украинской идентичности кризиса. Выход же из этого кризиса все чаще связывается с приверженностью идеям Шевченко – если обратиться к стихотворению почитаемого им поэта Ф. Тютчева – о «спянной любовью», а не «железом и кровью» Украине.

Характерно, что две парижские газеты (*Journal des debats* и *Démocratie pacifique*) сообщили об аресте участников Кирилло-Мефодиевского общества, в основу идеологии которого была положена «Книга бытия украинского народа», и ссылке в солдаты Шевченко, который утверждал это бытие своим поэтическим творчеством; передовые французы уже тогда относились к нему с глубоким сочувствием¹². Генерал-

¹⁰ Чижевський 2005. Т. 2. С. 176.

¹¹ Жур 1996. С. 227.

¹² Там же. С. 198.

губернатор Бибиков заверял прибывшего осенью 1847 года в Киев Николая I, будто дело о Славянском обществе не имело в крае никакого развития, однако он пронизательно подчеркнул, что наибольший вред был принесен «сочинениями на простонародном языке, столько же и направлением к созданию никогда не бывшей украинской народности»¹³. Гражданский киевский губернатор Фундуклей повелел изымать все произведения Шевченко и других кирилло-мефодиевцев, а заодно и лояльных поэтов Гребинки и Щеголева из книжных лавок и училищ. Данное распоряжение выглядело запоздалым: запреты усиливали тяготение к литературе на «простонародном» языке уже не только в пределах империи. И в то время как поэт начал отбывать ссылку, а один провокатор (студент Петров) вызывал зависть другого (предателя кружка Петрашевского Антонелли) – тот большее вознаграждение получил за донос, но особую вредность стихов Шевченко признавали оба¹⁴ – стихи Шевченко получали все большее признание среди украинцев в другой империи – Австрийской.

Здесь лишь эскизно затрагивается проблематика первого круга, но дальнейшее изложение призвано показать, что она сущностно связана с проблематикой остальных кругов, и их игнорирование невозможно в принципе, если творчество Шевченко оценивать в полной мере, если искать ответ на вопрос, почему ему ставят памятники все в новых странах мира, если ориентироваться на всечеловеческую природу его творчества. Остается лишь отметить: ситуация складывалась и складывается так, что роль Шевченко в национальной консолидации следует освещать снова и снова, держа в поле зрения его значимое для всего человечества общегуманитарное содержание, его «историософический антропоцентризм».

Второй круг рецепции связан с идеей единства **восточнославянских** народов: русских, украинцев и белорусов. Данная тема нами уже освещалась, однако в ней необходимы новые поиски и акценты с учетом того, что культурное взаимодействие между ними характеризуется крайней противоречивостью, которая в принципе должна носить не столько деструктивный, сколько продуктивный характер – на началах комплементарности. Не следует забывать, к примеру, такого рода фактов: возвращаясь из ссылки российским императором в казахские степи, Шевченко писал в «Дневнике» о великих писателях рус-

¹³ Цит. по: Там же.

¹⁴ Дело петрашевцев... Т. 1. С. 406-407.

ской литературы: «наш великий Лермонтов», а о Герцене – «апостол наш, наш одинокий изгнанник»¹⁵.

Нами уже отмечалось, что «Кобзарь», действительно, стал декларацией бытия украинского народа, как об этом говорили еще современники Шевченко и повторяют сегодня исследователи и политики, «но в то же время он не смог бы вырасти без мощных влияний русской культуры, оказав на нее обратное и довольно сильное влияние»¹⁶. Это показано на материале анализа его русскоязычных произведений, включая «Дневник», но важнее другое: утверждается, что для русской литературы и культуры Шевченко выявил целый пласт, связанный с ощущениями подневольного (крепостного) крестьянства, чего не могли в такой же мере сделать ее представители, в основном дворяне. Примечательно в этом плане мнение украинского литературоведа В. Скуратовского: «Планетарное значение Шевченко в том, что он впервые в истории (и не литературы, а человечества) нарушил тысячелетнюю немоту угнетаемых... “Проклятьем заклеянные” всех стран, интернационал обездоленных и обиженных – от рабов первых классовых формаций до рабов позднейших формаций – впервые нашли своего выразителя»¹⁷.

В другой работе отмечалось: «200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко приходится на непростые времена отношений между украинским и русским народами, а также их культурами (по крайней мере, русские СМИ с начала 2014 г. об этом юбилее практически ничего не говорят). Вместе с тем обращение к творчеству гениального поэта, анализ его сущностных связей с русской культурой, в первую очередь, с русской классической литературой, доказывают, что без конструктивного взаимопонимания возможны не только крах культурных взаимоотношений, но и – как следствие – окончательная гибель (восточно)славянского мира. Это и демонстрирует фигура поэта, значимая для развития не только украинской, но и русской культуры, ибо не считаться с тем, что сделал Шевченко для культуры русской (и что сделала она для него), никак нельзя»¹⁸.

Остается добавить, что сегодня соответствующая тематика все в большей мере прячется в тени, отбрасываемой идеологическими стереотипами и политизированными клише. Таковых не избегают даже серьезные аналитики, тем самым отодвигая возможности продуктив-

¹⁵ Шевченко. 1963. Т. 5. С. 79, 150.

¹⁶ Задорожнюк (соавт) 2014. С. 184.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 173.

¹⁸ Задорожнюк 2014 (б). С. 125.

ного взаимодействия русской и украинской культур, единство которых характеризует творчество Шевченко, но и не только его.

Несколько отвлекаясь от темы, подчеркнем, что взаимонепонимание многих носителей этих двух культур (без приписывания виновности лишь одной стороне) – явление не новое. Вспомним знаменитый «бон мот» с «котом» и «китом» из «Белой гвардии», который «шутя» зафиксировал жесткое противостояние носителей украинского и русского языков. «Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий... Так вот спрашиваю: как по-украински “кот”? Он отвечает “Кит”. Спрашиваю: “А как кит?” А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется... Николка с треском захохотал и сказал: Слова “кит” у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много»¹⁹. Примечательно, что Булгаков вкладывает эту сентенцию в уста протагониста врача Турбина. И в пьесе «Дни Турбиных» данная ситуация разыгрывалась постоянно; весьма интересно, что Сталину пришлось запретить ее постановку в Москве под давлением группы украинских писателей, возглавляемых Л. Кагановичем. Стенограмма встречи²⁰ привела такие его слова в ответ на реплику украинского «вождя»: «Стало почти традицией в русском театре выводить украинцев какими-то дураками или бандитами... Насчет некоторых артистов, которые по-немецки говорят чисто, а по-украински коверкают. Действительно, имеется тенденция пренебрежительного отношения к украинскому языку». Заключительная же реплика Кагановича была такова: «Товарищи, давайте с “Днями Турбиных” кончим». Варламов не без лукавой проговорки прокомментировал: «Дух Симона Петлюры добил “Турбиных”»²¹.

Получается, что носителями этого духа являлись Каганович и не названные украинские писатели, может, и не столь талантливые, как Булгаков, но вскоре пострадавшие за свое украинство гораздо больше, чем он. По статистическим данным, не менее двух третей членов Союза украинских писателей были уничтожены. Уж лучше, на наш взгляд, отнести запреты на постановку за счет духа «кота», зловеще мяукнувшего в «Белой гвардии», но куда веселее шутившего в «Мастере и Маргарите»: один из ее героев Поплавский из Киева – подобно Булгакову –

¹⁹ Булгаков 1988. С. 46-47.

²⁰ Опубликована в: Варламов 2008. С. 238.

²¹ Там же. С. 441.

ринулся в Москву за квартирой, но оказался «неудачливым визитером», запутался с каким-то запросом и получил в свою очередь вопрос: «Я, кажется, русским языком спрашиваю, – сурово сказал кот, – дальше что?»²². И далее: «Ни о каких квартирах в Москве не мечтай»²³.

Остается, возвращаясь к теме статьи, задать вопрос: почему поэзия Шевченко была враждебно встречена передовой русской литературной критикой в лице В. Белинского? Консервативно ориентированные «Отечественные записки» до доминирования там Белинского и его более поздних инвектив (в письмах и не только) отмечали в рецензии на «Кобзаря»: «Зачем Шевченко пишет на малороссийском?» И позитивно отвечали: «А если г. Шевченко вырос в Малороссии?»²⁴. В 1860 г. те же, но только демократически ориентированные «Отечественные записки» снова одобрительно отметили выход «Кобзаря». Логику великого критика можно попытаться понять: только-только русская литература в лице А. Пушкина явила высоты духа и формы, совсем рядом начался ее гоголевский период (его зачинатель подзабыл свое такое милое «малороссийство»²⁵) – и вдруг появляется поэт, представляющий, казалось бы, преодоленную языковую стихию, да еще и пишущий на «примитивные» темы. Критики демократического толка, кроме того, чрезмерно увлекались немецкой философией, стремящейся ввысь, а здесь – обращение к гуще народной жизни. Неудивительно, что творения Шевченко, по их убеждению, не входили в рамки этой философии, поэтому их полнее и адекватнее оценивали критики консервативного лагеря, поначалу не замечавшие стихийного демократизма поэта.

Правда, более углубленные изыскания, проведенные львовским ученым Е. Нахликом, указывают: именно идеи Гегеля, адекватнее воспринятые едва ли первым в России М. Бакуниним (а именно его восторженный отзыв о Шевченко послужил для русского критика поводом нападков на украинского поэта), оказывали косвенное влияние и на творчество Шевченко по историософской схеме «первобытная воля – современный деспотизм – будущая свобода», даже несмотря на расхождения в интерпретациях указанной схемы²⁶.

До этого ленинградский литературовед Ю. Марголис наметил еще один пункт схождения идей Шевченко и Бакунина (совместно с А. Гер-

²² Булгаков 1988. С. 468.

²³ Там же. С. 469.

²⁴ Александровский 2012. С. 188.

²⁵ См.: Luckyj 1971. P. 91.

²⁶ Нахлік 2003. С. 270.

ценом): «Закон божий – документ Кирилло-Мефодиевского общества – пронизан идеей Гегеля о том, что любой народ имеет свое призвание в истории – идеей, перенесенной на украинскую почву»²⁷. Сколь бы ни ангажированным было суждение Марголиса: «Объективно революционно-демократическая концепция славянского единства, развиваемая Шевченко в 40-е гг. XIX века, была направлена против панславизма – как русского, так западноевропейского (одним из представителей которого был Ф. Палацкий)»²⁸ – большая доля истины в нем есть, и в этом плане Шевченко выступает как политический деятель, на что впервые указывал еще Герцен. Здесь уместно привести мнение еще одного приверженца философии Гегеля в марксистской ее интерпретации «Покойный Тарас Григорьевич принадлежит к числу самых крупных народных поэтов, какие только знает всемирная история литературы»²⁹.

Существует немало документальных свидетельств того, что Шевченко поддерживал напрямую белорусских писателей (с некоторыми из них он познакомился еще в 1839 г. в Петербурге), ориентировавшихся на поиск своей национальной идентичности, критикуя их за то, что они в своем творчестве уделяли недостаточное внимание собственно народному элементу (сам он проявлял большой интерес к белорусским песням; вспоминал он о Белоруссии в повести «Музыкант», в «Дневнике», в ряде писем).

В то же время неграмотные белорусские крестьяне пели песни на слова Шевченко, ничего не зная о нем, но ощущая запрос на усиление своей этнической идентичности через появление поэта, равного Шевченко. Эту миссию в той или иной степени осуществляли «шляхетские романтики» Я. Чечот, Т. Заблоцкий, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич; ближе к ней подошли М. Богданович и А. Гарун, но всего полнее ей соответствовал Я. Купала: достаточно вспомнить его пьесу «Тугэйшыя». Ее колеблющийся в поисках своей идентичности герой Микита Зносок предстает то «Никитием Зносиловым», то «Зносиловским», а трактующие фигуру белоруса западные и восточные ученые ведут столь же бесплодные споры, как и критикуемые Шевченко участники споров об украинской идентичности, ведущейся то от «моголов», то от «славян», но под диктовку «немца»³⁰.

М. Богданович еще в 1914 г. выпустил статью, в которой подчеркивал общечеловеческое значение творчества Шевченко, отмечая, что

²⁷ Марголис 1985. С. 68.

²⁸ Там же. С. 70.

²⁹ Плеханов 1923. С. 313.

³⁰ Купала 1989.

«в лице Шевченко мировая литература имеет поэта со стихом мелодичным и изящным, но с необыкновенной силой ритмов»³¹.

Традиция такого высокого оценивания и одновременно детально-го всматривания не прекращалась в течение всего столетия, а фигура Шевченко продолжает оставаться важной для укрепления национальной идентичности белорусов. Еще в 1885 г. писатель А. Ельский отмечал, что белорусская народная поэзия «молит о появлении белорусского Шевченко». Это меткое наблюдение свидетельствует, что роль поэта в становлении национальной идентичности нельзя недооценивать; о том, что поиск такой идентичности у белорусов имеет много схожего с подобным поиском у украинцев, писал Т.Г. Масарик³².

Третий – всеславянский – круг рецепций и интерпретаций особенно сложен – потому, что идея славянского единения постоянно трактовалось западным славянством крайне противоречиво. Шевченко безоговорочно выступал за нее, но у него были свои привязанности и отторжения: так, имели место антипольский пафос его произведений и своеобразное чехофильство (как, например, у Тютчева). Шевченко не вписывается в схему полонофобства и чехофильства. Целый ряд его произведений, а также контакты с представителями польского освободительного движения свидетельствуют о наличии у них общей направленности: дело социального освобождения решает и национальный вопрос. Конечно, большинство деятелей национального возрождения не разделяли «хлопомании», присущей меньшинству представителей этого движения. И все же они не могли не признать справедливости многих исторических наблюдений Шевченко и, говоря «А» – призывая к необходимости освобождения от имперского диктата Москвы – центра кнутогерманской империи, были вынуждены допускать необходимость и «Б» – шли на допущение национально-культурной самостоятельности украинского народа.

Что касается рецепции Шевченко в современной Польше, то обращение к кругу его мыслей просматривается постоянно. Так, еще в 1970 г. Е. Енджеевич назвал поэта «гениальным организатором сознания своего народа». Трактую Валуевский циркуляр 1863 года, он замечает: империя не смогла помешать Шевченко писать на родном языке – и тогда она решила запретить сам украинский язык³³.

³¹ Дружба народов. С. 223.

³² Задорожнюк 2013. С. 276.

³³ Jędrzejewicz 1970.

В предъюбилейные годы в ракурсе идеи славянского единения повышенный интерес вызвало сравнительно-литературоведческое исследование творчества эстетически близких писателей трех литератур – украинской (Т. Шевченко), польской (А. Мицкевич, частично – Ю. Словацкий, З. Красинский, Ю.-Б. Залесский) и русской (А.С. Пушкин, частично – М.Ю. Лермонтов). На этом общеславянском фоне по-новому осмыслена писательская и личная судьба Шевченко, его мировоззренческие и художественные искания³⁴. Особо подчеркивается, что в новом веке интенсифицируется диалог современного шевченковедения (шевченкознания) с пушкиноведением и исследованием жизни и творчества Мицкевича. При этом Нахлик отмечает, что в поэтическом видении Шевченко шла речь о том, чтобы украинцы, русские и поляки, равно как и представители других национальностей, были в первую очередь людьми (в гуманистическом смысле), а не о том, чтобы состоялась их полная унификация³⁵. Остается добавить, что эта идея релевантна для всех выделенных нами кругов: всеукраинского, восточнославянского и всеславянского.

Очень интересна продуктивность линии Шевченко – чехи, причем не только в поэтическом, но и в социально-философском отношении. Шевченко выступил – с некоторым запозданием – участником равноправного диалога с лидерами славянофильства: чехом В. Ганкой, а также словаками П. Шафариком и Я. Колларом. В истории идей его позиция относительно чешского вопроса на фоне общеславянского представляет яркую страницу. Еще до весны народов он, как и Бакунин, придерживался убеждения в возможности славянской федерации. В этом плане он, в его решении, отличался от Ф. Тютчева, который считал, что лучшим для чешского народа будет принятие православия и вхождение в Восточно-Римскую империю³⁶.

И идея славянской федерации была выражена не только в поэтическом творчестве Шевченко, но и в его политических устремлениях времен Кирилло-Мефодиевского братства; так или иначе она сохранилась на всем протяжении его творческой жизни. Рассмотрение этого рода мыслей и представлений, особенно во времена, когда славянскую идею стремятся (безуспешно) выбросить на свалку истории, не теряет своей кричащей актуальности. Но есть все основания утверждать, что выраженное в знаменитом «Еретике»: «Щоб усі слав'яне стали / Доб-

³⁴ Нахлік 2003. С. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Задорожнюк 2014 (в). С. 53.

рими братьями», – вряд ли забудется в условиях глобализации и нивелирования этнических начал.

25 декабря 1846 года в квартире члена Кирилло-Мефодиевского общества Н. Гулака состоялось собрание с участием Шевченко. Обсуждались на нем вопросы о «будущей федерации славянских племен» (свидетельство Н. Костомарова) и о необходимости устранить в России монархическое правление, с чем соглашались не все члены Общества. Характерно, что именно на этом собрании Шевченко вручил братчику Н. Савичу поэму «Кавказ» для прямой передачи А. Мицкевичу в Париж, что он и сделал в 1847 г. Этот шаг в западноевропейском направлении совпал с высылкой Шевченко в направлении западноазиатском, в казахские степи³⁷.

Продолжим шире разворачивать метафору кругов, полнее излагая **четвертый круг – всеевропейский**. Он фиксируется многими шевченковедами, отмечавшими, что творчество поэта и художника еще до его ссылки находилось в поле зрения немцев и французов, а позже англичан, итальянцев, испанцев и представителей других – особенно борющихся за независимость – европейских народов.

В воспоминаниях А.О. Козачковского описан случай, когда 19 августа 1845 года именно этнический немец, а по вероисповеданию протестант на вечеринке произнес в адрес Шевченко: «“Оце батько. Єй-богу, хлопці, батько! Будь здоров, батьку!” – высоко поднимая бокал, и затем мы все его называли “батьком”»³⁸. А многие этнические немцы играли едва ли не определяющую роль в его судьбе: помещик П. Энгельгардт отказывался освободить его от крепостной зависимости, а художник К. Брюллов написал портрет В. Жуковского, чтобы добыть деньги для выкупа поэта из неволи. Немец В. Штернберг был одним из ближайших друзей Шевченко, а ученые, музыканты, художники из самой Германии постоянно находились в поле зрения украинского поэта. Что касается «німців», то впервые о поэме Шевченко «Гайдамаки» лейпцигский журнал написал еще в 1843 г., и с этого времени с поля зрения немецких и австрийских изданий его имя не исчезало. Примечательно, что именно немецкая газета «Die Glocke» («Колокол») еще в конце марта 1861 г. откликнулась на смерть Шевченко, поместив статью о нем с портретом³⁹. Лишь вслед за ней 1 апреля отозвался на печальное событие «Колокол» Герцена, напечатав вдобавок к некрологу

³⁷ Alwart 2012.

³⁸ Воспоминания о Тарасе Шевченко... 1988. С. 89.

³⁹ Жур 1996. С. 556.

прощальное слово А. Гончаренко на украинском языке (он же первым переведил стихотворения любимого поэта на английский язык и первым рассказал о нем на американском континенте в 1868–1869 гг.)⁴⁰.

Книг о Шевченко на немецком языке еще в XIX в. было больше, чем на каком-либо другом. В 1859 г. в Лейпциге (бывшем Липске, поселении полабских славян) вышел сборник «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», в котором впервые публиковались бесцензурные произведения поэта. В примечании к поэме «Кавказ» говорилось: «Стихи Шевченко – выражение всеобщих накопивших слез: не он плачет о Украине – она сама плачет его голосом»⁴¹. Издание получило широкий резонанс в Германии и в России, куда оно (а также отдельные оттиски его частей) доставлялось нелегально. А со времени смерти поэта интерес к его творчеству не угасал, причем с 1870 года оно подверглось академическому изучению в курсах литератур и энциклопедических изданиях. О нем издавались немецкоязычные монографии Й.-Г. Обриста и А. Йенсена⁴², но с 1918 по 1937 г. его творения не печатались, а книги и статьи появлялись эпизодически.

Эта традиция не прерывалась и в XX в., но она расщепилась на контрастирующие интерпретации в угоду политической конъюнктуре. К примеру, в Берлине в 1937 г. был издан сборник «Тарас Шевченко – український національний поет», статьи которого имели националистический характер, а переводы стихов отличались соответствующей ангажированностью⁴³. А в дальнейшем слова «Вражою злою кров'ю волю окропіте» можно было встретить на плакатах и листовках противостоявших воинских формирований – дивизии СС «Галичина» и войск украинских фронтов. Самое примечательное заключается в том, что, в соответствии с новейшими интерпретациями, эта «злая кровь» – признак не иного народа или эксплуататорского класса; скорее, это кровь, которая есть у каждого, и освобождение от которой, часто принимающее форму устоявшегося обычая – предпосылка подлинной и ориентированной на добро воли. Это толкование было зафиксировано украинским шевченковедом Л. Рудницким в 1982 г.⁴⁴ О. Забужко, продолжив намеченную им линию, писала уже в 1997 г.: «“вража кров” – это не “по-гайдамацки” пущенная в Днепр кровь “врагов” (говорили бы уж

⁴⁰ Зорівчак 1973.

⁴¹ Жур 1996. С. 470.

⁴² Шевченківський словник... 1978. Т. 2. С. 52.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ Рудницький 1989. С. 41-50.

прямо – “врагов народа!”), и призыв “окропить” ею волно – не призыв к вооруженному восстанию, *так* (курсив в оригинале – Э. З.) истолкованный “Заповіт” – не более, чем ментальный палимпсест, где аутентичный текст Шевченко сглажен интеллектуальной инерцией тоталитарных дискурсов XX века. В сугубо шевченковском лексиконе нет “врага” классового или национального, а слово “вражий” обозначает то, что ему и надлежит обозначать в современном украинском языке: по “Словарю” Б. Гринченко – “чертов, чертовский, дьявольский”. “Вража” и “зла” кровь – просто синонимы... это кровь нездоровая, отравленная – кровь, как бы зачумленная грехом, причем это может быть грех как делом, так и помыслом»⁴⁵. Остается добавить, что четыре тома «Словаря украинского языка» были изданы Б.Д. Гринченко впервые в 1907–1909 гг., а у «тоталитарных дискурсов» оказалось куда более долгое дыхание, чем предполагалось в 1990-е годы.

И все же такие истолкования украинских шевченковедов правомерны, исходя из того, что творчеству и жизни Шевченко было присуще то, что названо нами «вертикалью нравственности»: его взгляд на человека исходил из наличия у него высших мотивов, а не детерминировался происхождением из какого-либо класса или нации⁴⁶.

Такие интерпретации «Заповіта» в аутентичном, христианском духе звучали задолго до того, как пролилась кровь украинцев. Сначала в столкновениях между демонстрантами и милицией (а ранее между прихожанами православной и греко-католической церковью) в течение 1990–2000-х гг., правда, с эпизодическими смертельными исходами, а затем – с юбилейного 2014 года – как раз с такими исходами, причем по всей Украине... Может, и поэтому число портретов Шевченко на площадях и в правительственных кабинетах уменьшается...

Если вернуться к рецепции творчества Шевченко в современной Германии, то можно отметить: в своей фундаментальной монографии политолог Ж. Альварт подчеркивает, что Шевченко немалую роль сыграл и 130 лет спустя после своей смерти в идейном обосновании новой украинской государственности⁴⁷. В числе современных исследований можно назвать и 600-страничную монографию немецкого языковеда, в которой отмечается ключевая роль поэта в создании украинского литературного языка – синтаксиса, лексики, морфологии даже фонологии (о

⁴⁵ Забужко 2007. С. 122-123.

⁴⁶ Подробнее см.: Задорожнюк. 2014 (а). С. 59.

⁴⁷ Alwart 2012.

том, насколько непроста эта задача, свидетельствуют малоудачные попытки такого языка в Галичине того времени)⁴⁸.

Рецепция французами творчества Шевченко поначалу шла через поляков. Еще в 1839 г. поэт сблизился с членами польского литературно-художественного кружка Р. Подберезского-Друцкого в Петербурге, а вскоре его имя стало известно полякам в эмиграции. В 1843 г. оно появляется на страницах «Тыгодника Петербургского», а после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества – на страницах польской печати в Париже, Лейпциге, Вене. Именно поляк Е. Хоецкий опубликовал в журнале «Revue independante» (10.08.1847) статью о сравнительном изучении славянских языков, где едва ли не впервые упоминалось имя Шевченко, а поскольку ее автор был знаком с Жорж Санд, то через нее это имя стало известным и другим демократическим деятелям Франции.

В издаваемом консервативным аристократом А. Чарторыйским газете «Trzeci maj» (18.03.1848) Ф. Духиньский (выходец из Украины, пользовавшийся псевдонимом «Киевлянин») сочувственно упоминал о Шевченко, пытаясь эксплуатировать его имя в антимоноархических целях и для восстановления Польши. Примечательно, что он при этом относил русских не к славянам (не отказывая в этой принадлежности украинцам), а к туранцам. Антиисторизм его взглядов был выявлен еще в начале 1860-х гг. Н. Костомаровым, а позже М. Драгомановым, хотя идеи Духиньского нашли «понимание» у многих французов, равно как и у К. Маркса и Ф. Энгельса⁴⁹.

Петрашевец Н. Момбелли, с которым Шевченко был знаком с 1844 г., свидетельствовал о том, что о деле кирилло-мефодиевцев говорил весь Петербург, что этих истинно благородных людей жалели все. «Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке в стихах, воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге в большом количестве экземпляров»⁵⁰, – пишет он. Записки Момбелли не отличаются в этом плане точностью, а фамилия Лесажа не зафиксирована в «Шевченковском словнике». И все же помещение сведений о братстве и мятежных стихотворениях Шевченко в широкий европейский контекст имело место.

Шведская и финская печать восприняла творчество Шевченко относительно поздно – в самом конце XIX века, однако именно шведский ученый-славист А.А. Йенсен (1859–1921) опубликовал в 1909 г. в фин-

⁴⁸ Moser 2008.

⁴⁹ Заневский 2013. С. 61-74.

⁵⁰ Воспоминания о Тарасе Шевченко... 1988. С. 213.

ском журнале статью о героическом пафосе творений Шевченко – по его словам, «национального скальда», а в 1916 г. в Вене – фундаментальную монографию «Тарас Шевченко. Жизнь украинского поэта»⁵¹, не потерявшую до сих пор своего научного значения. Финские писатели опирались на идеи Шевченко, формируя национальную литературу.

Датский литературовед Г. Брандес (1842–1927), первый исследователь жизни и творчества Шевченко в датской литературе, выпустил в 1988 г. книгу «Русские впечатления». В опубликованном в ней очерке он назвал его «величайшим поэтом, которого дал миру украинский народ». Поэма «Гайдамаки» оценивалась датчанином как «великий исторический эпос», здесь же представлена биография и анализ творчества поэта, а также помещен редкий по убедительности и искренности портрет Шевченко.

Примечательным в рецепции творчества Шевченко норвежскими культурными кругами явилось то, что о нем было упомянуто впервые лишь в 1936 г., однако тамошние исследователи особенно подчеркивали борьбу украинского поэта за улучшение положения женщины, сравнивая его поэтические труды с пьесами Г. Ибсена.

В Испании имя Шевченко прозвучало – по сравнению с другими европейскими странами – достаточно поздно: только в 1877 г. в испанском просветительском издании был напечатан перевод статьи известного философа В.В. Лесевича и первые переводы. Но с тех пор интерес к нему не угасал, а 60 лет спустя после выхода статьи в интернациональной бригаде им. Я. Домбровского была сформирована рота имени Тараса Шевченко. Она активно участвовала в боях, и многие воины украинцы из числа эмигрантов погибли в гражданской войне 1936–1939 гг. С тех пор имя Шевченко привлекало к себе многих представителей испанской культуры, выступавших против диктатуры Франко.

В итальянской прессе имя Шевченко упоминалось еще при его жизни, а с 1870-х гг. при активном участии М. Драгоманова о нем появлялись статьи, в которых особо подчеркивалось, что национальный вопрос нельзя решить без вопроса социального, а также переводы. Многие исследователи сопоставляли поэму «Сон» Шевченко с «Божественной комедией» Данте. Немалое внимание в работах о Шевченко уделялось его живописному наследию.

Наконец, **пятый всечеловеческий** (глобальный) круг: исследования в этом направлении проводятся контурно, однако даже если

⁵¹ Jensen 1916.

ограничиваться биографией поэта и его эпизодическими упоминаниями о судьбах неевропейских народов, нельзя не признать: у него наличествовали способности к глубоко прочувствованной рецепции психологических особенностей всех народов и рас. Примечательно в этом плане восприятие судеб среднеазиатских этносов, с которым он контактировал в годы ссылки. Следы этого глубинного восприятия можно обнаружить в стихотворениях («Топор был за дверью у господ бога» и др.) и произведениях изобразительного искусства, письмах и «Дневнике». Остается добавить, что знаменитая верба, посаженная Шевченко близ Каспийского моря, растет и поныне, а имя поэта – даже с учетом того, что оно исчезло из названия большого города в Казахстане – пользуется широким уважением у среднеазиатских народов.

Шевченко интересовался ходом освободительного движения тайпинов в 1857 г. в Китае, а в его «Дневнике» от 6 сентября можно встретить слова одного из его лидеров, называвшего мандаринов – крупных китайских землевладельцев – «жирным убойным скотом». «Скоро ли, – вопрошал поэт, – во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»⁵².

Шевченко многое знал об американской литературе, а также о таких исторических фигурах, как Б. Франклин и Дж. Вашингтон, равно как и об общественном устройстве США. Примечательна и такая запись в «Дневнике» А. Никитенко, в соответствии с которой в Киеве открыто «Общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Северо-Американских штатов. Имеют ли эти южные славяне какую-нибудь связь с московскими славянофилами – неизвестно»⁵³.

С поэтом встречался А. Церетели, который говорил о том, что в судьбе украинского и грузинского народов много общего. Поэт пел украинские песни Олдриджу, а тот ему негритянские. Сближало и то, что Шевченко затрудняли поездки по Украине, а Олдриджу нельзя было выступать на театральной сцене – негров туда не допускали. Дружба с Олдриджем и другими – свидетельство всечеловеческой отзывчивости Шевченко, его открытости всем народам.

Если произведения Л. Толстого стали известны его индийским читателям еще при жизни писателя, то с наследием Шевченко они познакомились лишь в 1950-е годы. Но его стихотворения и поэмы сразу же вошли в индийскую литературу на разных языках и получили высокую

⁵² Шевченко. 1963. Т. 5. С. 120.

⁵³ Никитенко. 1955. С. 304.

оценку. В немалой степени потому, что они имеют общечеловеческое содержание. На взгляд ученого и поэта Г. Хингамире, «поэт-гуманист, Шевченко на первое место выдвигает универсальные человеческие ценности». Он конкретизирует этот взгляд следующим наблюдением: «Со многих точек зрения “Наймичка” Шевченко напоминает рассказ об индийской жизни»⁵⁴. Действительно, рассказ о подбрасывании детей, их воспитании матерью-«чужаком» и предсмертном признании материнства есть еще в «Махабхарате» – там это делает мать одного из героев царевна Кунти⁵⁵. Остается добавить, что «свое» в произведениях Шевченко находят не только читатели Индии, но и большинство больших и малых неевропейских народов. Именно поэтому его произведения издавались и будут издаваться на самых разных языках.

Юбилей Шевченко отмечался по всему миру – от Австралии до Японии. В первой активное участие в нем приняли бывшие эмигранты – этнические украинцы. Они привезли интерес к поэту, как и в другой британский доминион Канаду, с конца XIX века, когда прибывали на новые для себя земли. К середине XX века интерес к творчеству Шевченко в Австралии вырос и среди других этносов, выходили его произведения и труды о нем не только на украинском языке. В 2014 г. в ходе празднеств звучали и ноты политизированного характера: потомки эмигрантов здесь, как и в большинстве стран, «лучше знают», что такое свобода для современной Украины и считают, что туда очень просто импортировать ценности демократии. Все же юбилей в Австралии был отмечен выпуском произведений Шевченко, многочисленными встречами, открытием памятных мест в честь поэта. Так, в Мельбурне была открыта выставка о Шевченко, а профессор из Италии Дж. Беркоф прочитала о нем в местном университете лекцию, в которой говорилось, что идеи украинского поэта повлияли на национально-освободительные движения в странах Европы, а затем всего мира.

Исключительно интересная судьбы творчества Шевченко в Японии – и она связана с именем человека, немало сделавшего для того, чтобы еще в 1989 г., как раз перед своей кончиной, выпустить одну из наиболее объемных в мире книгу стихов поэта. Еще в 1922 г. 17-летний Тайске Сибуйа познакомился с жизнеописанием Тараса Шевченко по трудам датчанина Г. Брандеса и П. Кропоткина (знаменательная переписка представителей второго, третьего и четвертого кругов). Уже в 1926 г. он опубликовал книгу «Голос полей», которую посвятил памяти

⁵⁴ Фурніка. 1989. С. 206.

⁵⁵ Там же. С. 223.

Шевченко, и которая была переведена на шесть языков. Сибуя писал в эссе «Моя встреча с Шевченко», что украинский поэт из беднейшего крестьянства «стал его судьбой и одновременно университетом» и что именно его творчество помешало японскому юноше превратиться в «литературного поденщика и наемного писаку»⁵⁶. Действительно, Сибуя стал активным общественным деятелем, с 1926 г. он выпускал газету «Самоуправление крестьян», с 1930 г. – «Крестьянская борьба», вдохновляясь жизнью, творчеством и судьбой Шевченко. В 1937–1945 гг. он подвергался арестам и заключению, а после войны стал членом президиума Всеяпонского союза кооператоров. Именно Сибуя организовал Японское товарищество изучения Шевченко, которое проводило десятки конференций, выпускало труды поэта, организовывало празднества в его честь. В 2014 г. эти празднества приобрели в стране особенно широкий размах.

Характеризуя пятый круг рецепции творчества Шевченко, нельзя не признать справедливости современного ведущего специалиста по его творчеству: «По существу, Шевченко едва ли не первым так принципиально поднялся над рутинным делением народов на великие и малые, исторические и неисторические, цивилизационные и нецивилизационные, – “снял” это деление обращением к священному праву каждого народа устраивать свою жизнь... На высоте этой истины и этого мироощущения он отбросил европоцентричную и христианскоцентричную картину мира – хотя одновременно подоснову для отбрасывания этого “геополитического” христоцентризма ищет у самого Христа»⁵⁷. Поэму Шевченко «Кавказ» сегодня могли прочесть в качестве «своего» текста многие народы Азии, Африки и Латинской Америки, выступающие в защиту своего национального своеобразия. И совсем не случайно в 1961 г. Всемирный совет мира выступил с инициативой отметить 100-летие со дня смерти Шевченко – когда интенсивно шел процесс освобождения колониальных народов.

Литературовед Е. Нахлик отмечает: «Поэт решительно отказывался принимать просветительскую концепцию, в соответствии с которой все народы идут один за другим в однолинейном прогрессе человечества, отбрасывал доктрину окультуривания менее развитых народов более развитыми, навязывания первым несвойственной модели. Пушкин же, наоборот, руководствовался этими просветительски-рационалистическими представлениями в своем подходе к изображе-

⁵⁶ Венюк России Кобзарю... С. 11.

⁵⁷ Дзюба 2005. С. 358.

нию кавказских и среднеазиатских народов (не отказываясь при этом от романтического любования экзотикой первобытных этносов), но неоднозначно относился к проблеме европеизации самой России, заботясь о сбережении ее национальной самобытности»⁵⁸. А поскольку Шевченко – выходец из крепостного сословия, то национальное угнетение усугублялось для него социальным неравенством. Отсюда его страстная ненависть к институту царствования, причем из древних времен: антипатию к российским самодержцам он распространял до княжеских времен (казус Рогнеды) и на все народы (если вспомнить, как он страстно обличал библейских царей).

Вторя суждениям украинских исследователей, Р. Финнин пишет: «Уже давным-давно Тарас Шевченко был помещен на гранитные пьедесталы как в первую очередь украинский народный поэт. В Кембридже мы воспринимаем его как поэта глобального масштаба и значения, которому пришлось родиться украинцем. По-новому используя свой родной язык, он сравним по мощи вдохновения с Бернсом. В пронизанном духовностью лиризме он столь же тонок как Рильке. Его мистицизм может быть сравним с глубинами Блейка. И в своем гуманизме он столь же всеохватен, как Тагор. Эта сложность его творчества может отпугивать, но наши студенты этим не уstraшаются»⁵⁹. Поэтому памятники Шевченко воздвигали и будут воздвигать везде – сравнительно недавно в Варшаве; он один из лучших послов Украины, которая по многим причинам сегодня не страдает шевченкоцентризмом.

Рожденный крепостным, он глубоко усвоил народную культуру и затем сверял ее с мировой; будучи сиротой, он обрел независимость характера; служа у пана, познакомился с Европой; будучи в ссылке, занимался учеными изысканиями; измученный ссылкой, он не сдался принципу самодержавия и не пошел ни в украинщину (как Кулиш), ни в революционщину (как Чернышевский). На границе Украины Левобережной и Правобережной Шевченко родился, на границе Польши и России (в «Вильне, городе преславном») он обретал мастерство художника, на границе России и Европы (в Петербурге) освободился от крепостной зависимости, на границе Европы и Азии принял муку ссылки, на границе (тот же Петербург) и умер. 200-летие со дня его рождения – новый шанс для взаимопонимания народов – и не только славянских – в самые усложняющиеся времена.

⁵⁸ Нахлік 2003. С. 240.

⁵⁹ www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александровский И.С. «Украинский вопрос» на страницах периодической печати второй четверти XIX века // Русские об Украине и украинцах. СПб.: Алетейя, 2012. 456 с.
- Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Мастацкая літаратура. 1988. 670 с.
- Варламов А. Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия. 2008. 840 с.
- Венок России Кобзарю. №5. 7 марта 2014. URL: http://ukroglyad.com/avatar/venok_grossii_kobzarju-5_gotov.pdf
- Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Дніпро. 1988. 606 с.
- Грабович Г.Ю. Шевченко як міфотворець - Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка. Київ: Радянський письменник, 1998. 211 с.
- Гриценко О.А. Своя мудрість. Національні міфології та «громадянська релігія» в Україні. Київ: УЦКД, 1998. 184 с.
- Дело петрашевцев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 620 с.
- Дзюба І. Тарас Шевченко. Київ: Альтернативи, 2005. 702 с.
- Дружба народов, 1961. № 5.
- Єнджеєвич С. Українські ночі, або Родовід генія. Львів: Атлас, 1997. 443 с.
- Жур П.В. Труды и дни Кобзаря. Л.: Люберецкая газета. 1996. 568 с.
- Забужко О. Шевченко міф України. Спроба філософського аналізу. 4-е видання. Київ: Факт, 2007. 148 с.
- Задорожнюк Э. Т.Г. Масарик и восточноевропейские культуры: «Россия и Европа» – до и после // Беларусь, Расія и Україна: диялог народаў і культур. Гродна: ЮрСаПрынт, 2013. 424 с.
- Задорожнюк Э.Г. (соавт.). Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т.Г.Шевченко // Свободная мысль, 2014. № 2.
- Задорожнюк Э.Г. Тарас Григорьевич Шевченко и идея славянского единения // Славяноведение, 2014. № 6.
- Задорожнюк Э.Г. Т.Г. Шевченко и русская культура: непрестанное взаимное обогащение // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. Серийное издание. Отв. ред. Е.С. Узенева. М.: ИСЛ РАН, 2014. 360 с.
- Задорожнюк Э.Г. Ф.И.Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории, 2014. № 1.
- Заневский С. Образ польской шляхты и русского дворянства в творчестве Ф.Г. Духиньского // Беларусь, Расія, Україна: диялог народаў і культур. Гродна, 2013.
- Зорівчак Р. Піонер англомовної Шевченкіани // Всесвіт, Київ. 1973. № 3.
- Купала Я. Паэмы. Драматычныя творы. Мінск: Мастацкая літаратура. 1989. 272 с.
- Марголис Ю.Д. Проблема единения славянских народов в политической программе Т.Г. Шевченко // Вестник Ленинградского университета, Л.: ЛГУ. 1985. № 14.
- Нахлік Є.К. Доля – Los - Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Світ, 2003. 568 с.
- Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Т. 1. М.: Госиздат «Художественная литература», 1955. 542 с.
- Плеханов Г. Сочинения. Т. 4. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 642 с.
- Рудницький Л. «А до того – я не знаю Бога». Ключ до духовного світу поета // Сучасність. Література, мистецтво, суспільне життя. Мюнхен, 1989. Ч. 5 (337). С. 41-50.

- Скуративський В. Шевченко в контексті світової літератури // Дивослово, Київ, 2003.
- Тарас Шевченко і європейська культура. Київ - Черкаси. 2001. 253 с.
- Фурніка В.П. Кобзар за Гімалаями. Київ: Дніпро. 1989. 311 с.
- Чижевський Д.І. Нариси з історії філософії на Україні // Чижевський Д. Філософські твори у 4-х тт. Під заг. ред. В. Лісового. Т. 1. Київ: Смолоскип, 2005. 402 с.
- Чижевський Д.І. Між інтелектом і культурою: дослідження з історії української філософії // Чижевський Д. Філософські твори у 4-х тт. Під заг. ред. В. Лісового. Т. 2. Київ: Смолоскип, 2005. 264 с.
- Шевченківський словник: У двох томах / Інститут літератури імені Т. Г. Шевченка Академії Наук УРСР. Київ: Головна редакція УРЕ, 1978. Т.1. 416 с.; Т. 2. 419 с.
- Шевченко Т. Собрание сочинений в пяти томах. М.: ОГИЗ. Т. 2. 1948. 426 с.
- Шевченко Тарас. Повне зібрання творів в шести томах. Т. 2. Поезії. 1847-1861. Київ: Видавництво Академії наук УРСР. 1963. 632 с.
- Шевченко Тарас. Повне зібрання творів у шести томах. Т. 5. Щоденник. Автобіографія. Київ: Видавництво Академії наук УРСР. 1963. 366 с.
- Alwart J. Mit Taras Ševčenko Staat machen. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik in der Ukraine vor und nach 1991. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 217 s.
- Jędrzejewicz J. Noce Ukraińskie, albo Rodowód Geniusza. W-wa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1970. 619 s.
- Jensen Alfred A. Taras Schewtschenko. Ein Ukrainisches Dichterleben. Literarische Studie von Dr. Alfred Jansen. Wien: Verlag Adolf Holzhausen. 1916. 190 s.
- Luckyj George S.N. Between Gogol and Shevchenko: Polarity in the Literary Ukraine 1798-1847. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. 210 p.
- Moser M. Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung. München: Universitas Libera Ucrainensis, 2008. 453 S.
- URL: www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303
- URL: <http://qha.com.ua/v-kembridje-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.
- URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozdatut-sayt-o-tarase-shevchenko>

REFERENCES

- Aleksandrovskii I.S. «Ukrainskii vopros» na stranitsakh periodicheskoi pečati vtoroi chetverti KhIKh veka // Russkie ob Ukraine i ukrainskikh. SPb.: Aleteiya, 2012. 456 s.
- Bulgakov M. Belaya gvardiya. Master i Margarita. Minsk: Mastatskaya litaratura. 1988. 670 s.
- Varlamov A. N. Mikhail Bulgakov. M.: Molodaya gvardiya. 2008. 840 s.
- Venok Rossii Kobzaryu. №5. 7 marta 2014. URL: http://ukrogljad.com/avatar/venok_rossii_kobzarju-5_gotov.pdf
- Vospominaniya o Tarase Shevchenko. Kiev: Dnipro. 1988. 606 s.
- Grabovich G.Yu. Shevchenko yak mifotvorets' - Poet yak mifotvorets'. Semantika simvoliv u tvorchosti Tarasa Shevchenka. Kiiv: Radyanskii pis'mennik, 1998. 211 s.
- Gritsenko O.A. Svoya mudrist'. Natsional'ni mifologii ta «gromadyans'ka religiya» v Ukraïni. Kiiv: UTsKD, 1998. 184 s.
- Delo petrashevstv. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. T. 1. 620 s.
- Dzyuba I. Taras Shevchenko. Kiiv: Al'ternativi, 2005. 702 s.
- Druzhba narodov, 1961. № 5.
- Endzheevich С. Ukraïns'ki nochі, abo Rodovid geniya. L'viv: Atlas, 1997. 443 s.

- Zhur P.V. Trudy i dni Kobzarya. L.: Lyuberetskaya gazeta. 1996. 568 s.
- Zabuzhko O. Shevchenkiv mif Ukraïni. Sproba filosofsk'ogo analizu. 4-e vidannya. Kiïv: Fakt, 2007. 148 s.
- Zadorozhnyuk E. T.G. Masarik i vostochnoevropskie kul'tury: «Rossiya i Evropa» - do i posle // Belarus', Rasiya i Ukraïna: dyalog narodoÿ i kul'tur. Grodna: YurSaPrynt, 2013. 424 s.
- Zadorozhnyuk E.G. (soavt.). Russkoi zemli chelovek zamechatel'nyi». K 200-letnemu yubileyu T.G.Shevchenko // Svobodnaya mysl', 2014. № 2.
- Zadorozhnyuk E.G. Taras Grigor'evich Shevchenko i ideya slavyanskogo edineniya // Slavyanovedenie, 2014. № 6.
- Zadorozhnyuk E.G. T.G. Shevchenko i russkaya kul'tura: neprestannoe vzaimnoe obogashchenie // Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii. Chelovek, obshchestvo, narod v istorii, yazyke i kul'ture. Seriinoe izdanie. Otv. red. E.S. Uzeneva. M.: ISI RAN, 2014. 360 s.
- Zadorozhnyuk E.G. F.I.Tyutchev i F. Engel's o sud'bach slavyanstva // Voprosy isto-rii, 2014. № 1.
- Zanevskii S. Obraz pol'skoi shlyakhty i russkogo dvoryanstva v tvorchestve F.G. Dukhin'skogo // Belarus', Rasiya, Ukraïna: dyalog narodaÿ i kul'tur. Grodna, 2013.
- Zorivchak R. Pioner anglomovnoï Shevchenkiani // Vsesvit, Kiïv. 1973. № 3.
- Kupala Ya. Paemy. Dramatychnyya tvory. Mïnsk: Mastatskaya litaratura. 1989. 272 s.
- Margolis Yu.D. Problema edineniya slavyanskikh narodov v politicheskoi programme T.G. Shevchenko // Vestnik Leningradskogo universiteta, L.: LGU. 1985. № 14.
- Nakhlik E.K. Dolya – Los - Sud'ba: Shevchenko i pol'ski ta rosiis'ki romantiki. L'viv: Svit, 2003. 568 s.
- Nikitenko A.V. Dnevnik v 3 tomakh. T. 1. M.: Gosizdat «Khudozhestvennaya literatu-ra», 1955. 542 s.
- Plechanov G. Sochineniya. T. 4. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. 642 s.
- Rudnits'kii L. «A do togo – ya ne znayu Boga». Klyuch do dukhovnogo svitu poeta // Su-chasnist'. Literatura, mistetstvo, suspil'ne zhittya. Myunkhen, 1989. Ch. 5 (337). S. 41-50.
- Skurativ'skii V. Shevchenko v konteksti svitovoï literaturi // Divoslovo, Kiïv, 2003.
- Taras Shevchenko i evropeis'ka kul'tura. Kiïv - Cherkasi. 2001. 253 s.
- Furnika V.P. Kobzar za Gimalayami. Kiïv: Dnipro. 1989. 311 s.
- Chizhevs'kii D.I. Narisi z istorii filosofii na Ukraïni // Chizhevs'kii D. Filosofsk'i tvori u 4-kh tt. Pid zag. red. V. Lisovogo. T. 1. Kiïv: Smoloskip, 2005. 402 s.
- Chizhevs'kii D.I. Mizh intelektom i kul'turoyu: doslidzhennya z istorii ukrains'koï filosofii // Chizhevs'kii D. Filosofsk'i tvori u 4-kh tt. Pid zag. red. V. Lisovo-go. T. 2. Kiïv: Smoloskip, 2005. 264 s.
- Shevchenkiv'skii slovnik: U dvokh tomakh / Institut literaturi imeni T. G. Shevchenka Akademii Nauk URSR. Kiïv: Golovna redaktsiya URE, 1978. T.1. 416 s.; T. 2. 419 s.
- Shevchenko T. Sbranie sochinenii v pyati tomakh. M.: OGIZ. T. 2. 1948. 426 s.
- Shevchenko Taras. Povne zibrannya tvoriv v shesti tomakh. T. 2. Poezii. 1847-1861. Kiïv: Vidavnitstvo Akademii nauk URSR. 1963. 632 s.
- Shevchenko Taras. Povne zibrannya tvoriv u shesti tomakh. T. 5. Shchodennik. Avtobiografiya. Kiïv: Vidavnitstvo Akademii nauk URSR. 1963. 366 s.
- Alwart J. Mit Taras Ševchenko Staat machen. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik in der Ukraine vor und nach 1991. Köln: Böhlau Verlag, 2012. 217 s.

- Jędrzejewicz J. Noce Ukraińskie, albo Rodowód Geniusza. W-wa: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1970. 619 s.
- Jensen Alfred A. Taras Schewtschenko. Ein Ukrainisches Dichterleben. Literarische Studie von Dr. Alfred Jansen. Wien: Verlag Adolf Holzhausen. 1916. 190 s.
- Luckyj George S.N. Between Gogol and Shevchenko: Polarity in the Literary Ukraine 1798–1847. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. 210 p.
- Moser M. Taras Ševčenko und die moderne ukrainische Schriftsprache – Versuch einer Würdigung. München: Universitas Libera Ucrainensis, 2008. 453 S.
- URL: www.facebook.com/pages/Cambridge-ukrainian/studies/4993117303
- URL: <http://qha.com.ua/v-kembridje-nachnut-izuchat-ukrainskii-yazik-i-kulturu-79559.html>.
- URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/media/v-kembridzhe-sozhdadut-sayt-o-tarase-shevchenko>

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; elzador46@mail

Works by Taras Shevchenko: Growing reception and interpretations

The article analyses the growing number of receptions and interpretations of the works by Taras Shevchenko in historical retro- and perspective. It is shown that there are five circles of interpretations – all-Ukrainian, Eastern-Slavic, all-Slavic, European and global ones. The first was oriented towards the consolidation of Ukrainian nation, the second embraces Ukrainian and Russian cultures and complimentary ones, the third is focused on the Czech-phililia and Polonophilia, together with Shevchenko's friendship with Poles. The fourth and the fifth circles imply the growing interest towards Shevchenko in Europe and on the global scale. The celebrations of the 200th anniversary of the poet in various countries are discussed, as well as the ideas of his place in the history of culture.

Keywords: history of ideas, 200th anniversary of Taras Shavcheko, anthropocentrism, cultural codes, dialogue of nations, national self-criticism.

Ella Zadorozhnyuk, Dr Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, the Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail